

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-3-306-316

EDN: TFNMZV

Научная статья / Research article

Наместник и другие представители римской власти в провинции: между сотрудничеством и конфликтом

С.В. Телепень

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина,
Мозырь, Республика Беларусь

✉ telepen_serg@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме взаимоотношений представителей власти Рима в провинциях. В центре внимания находится фигура наместника как главного носителя государственной власти вне Италии. Проконсул, а также легат Августа должны были решать стоявшие перед ними задачи по осуществлению управления вверенной им частью государства, кооперируясь с другими должностными лицами. Особую роль здесь играло взаимодействие (для наместников сенатских провинций) с квесторами — относительно независимыми представителями центрального правительства. Рассмотрены те идеологические и морально-психологические основания, на которых строились отношения между проконсулами и квесторами. На конкретном материале показано, что одним из важнейших механизмов обеспечения результативного партнерства здесь было принятие сенаторским сообществом в целом идеи о *necessitudo* — обоюдном моральном долге, связывающим квестора и проконсула узами корпоративной солидарности. На несколько иных основаниях держалась связь между наместником и его назначенцами, т.е. легатами. В этом случае можно обнаружить признаки властной вертикали, однако с характерными для римлян патриархальными установками, делавшими в этом случае атмосферу почти семейной. Также рассмотрены взаимоотношения различных категорий наместников и, с другой стороны, прокураторов как формально частных порученцев принцепса. Обоснована тенденция к соперничеству прокураторов по отношению к наместникам, что может быть отражением конкуренции между всадническим и сенаторским *ordines*. Рассмотрены случаи нарушения нормального порядка партнерства между наместником и другими представителями Рима в провинции. Как показывают источники, в основном такие конфликты имели форму судебного разбирательства.

Ключевые слова: римский наместник, проконсул, легат Августа, квестор, легат проконсула, прокуратор

© Телепень С.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2025; принята к публикации 06.03.2025.

Для цитирования: Телепень С.В. Наместник и другие представители римской власти в провинции: между сотрудничеством и конфликтом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 306–316. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-306-316>

The governor and other representatives of Roman authority in the province: between collaboration and conflict

Sergey V. Telepen

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, *Mozyr, Belarus*

✉ telepen_serg@mail.ru

Abstract. This study is devoted to the problem of the relationship between representatives of the Roman authorities in the provinces. The focus is on the figure of the governor as the main bearer of state power outside Italy. The proconsul, as well as the legate of Augustus, had to solve the tasks facing them on the implementation of the management of the entrusted to them part of the state, cooperating with other officials. A special role here was played by the interaction (for the governors of the senatorial provinces) with the quaestors — relatively independent representatives of the central government. The study examines the ideological and moral-psychological foundations on which the relationship between the proconsuls and quaestors was built. Based on specific material, it is shown that one of the most important mechanisms for ensuring an effective partnership here was the acceptance by the senatorial community as a whole of the idea of *necessitudo*, that is a mutual moral duty linking the quaestor and the proconsul with bonds of corporate solidarity. The relationship between the governor and his appointees, i.e. the legates, was maintained on somewhat different grounds. In this case, one can find signs of a vertical power structure, but with the patriarchal attitudes characteristic of the Romans, which made the atmosphere almost family-like in this case. The study also examines the relationships between different categories of governors and, on the other hand, procurators as formally private envoys of the princeps. The tendency towards a rivalry of procurators in relation to governors is argued, which may be a reflection of the competition between the equestrian and senatorial ordines. The study examines cases of violation of the normal order of partnership between the governor and other representatives of Rome in the province. As sources show, such conflicts mainly took the form of legal proceedings.

Keywords: Roman governor, proconsul, legate of Augustus, quaestor, legate of the proconsul, procurator

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 14.01.2025. Accepted: 06.03.2025.

For citation: Telepen SV. The governor and other representatives of Roman authority in the province: between collaboration and conflict. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(3):306–316. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-3-306-316>

Введение

Отношения между римским наместником¹ и другими представителями центральной власти в провинции носили довольно противоречивый характер. С одной стороны, здесь далеко не всегда можно обнаружить признаки некой «вертикали власти», когда назначенцы Рима могли бы рассматриваться и как исполнители поручений наместника, зависимые от него, подотчетные ему. В то же время в ряде случаев наместник на более или менее постоянной основе мог делегировать свои полномочия прочим должностным лицам, назначавшимся на свои посты отнюдь не им, но сенатом или императором. Очевидно, что неформальный аспект отношений между наместником и другими представителями римской власти в провинции, делавший возможным такие случаи делегирования, играл огромную роль. Рассмотрим те примеры данных отношений, которые даже при их вероятной исключительности (а во многом и благодаря ей) позволяют лучше понять суть обыкновения в том, что касается отношений между наместником и другими представителями римской власти в провинции.

Наместник и квестор

В период ранней Империи наместник сенатской провинции, т.е. проконсул, в отличие от наместника императорской провинции, легата Августа, должен был взаимодействовать с квестором, ответственным в провинции главным образом за государственные финансы и назначавшимся сенатом на основании жеребьевки. В какой мере наместник влиял на его назначение, сказать трудно. Однако источники представляют отношения между этими двумя должностными категориями как очень близкие, даже почти семейные [1. P. 56–57; 2. S. 174; 3. S. 56–57]. Традиция таких отношений сложилась еще во времена Республики. Так, Цицерон неоднократно упоминал *necessitudo* — обоюдный моральный долг, объединяющий квестора и проконсула. В письме к своему бывшему квестору в Киликии Луцию Месцинию Руфу автор указывает на *necessitudo*, которая, согласно обычаю, должна была лежать в основе их взаимоотношений (Cic. Fam. V. 20. 1). В другом письме, где Цицерон просит своего нового квестора, Гая Целия Кальда, назвать дату и место своего прибытия, поднимается та же тема, причем она сопрягается с идеей судьбы, связывающей двух должностных лиц (Cic. Fam. II. 19. 1; Fam. II. 19). Плиний Младший также упоминает о тесных отношениях, которые должны были сложиться между консулом и квестором, когда он попросил Миниция Фундана принять Азиния Басса не просто в качестве

¹ Здесь подразумеваются как проконсулы, управлявшие сенатскими провинциями, так и легаты Августа, выполнявшие функции наместников в императорских провинциях.

назначенного сенатом квестора, но по-отечески (Plin. Ep. IV. 15. 9). В другом своем письме Плиний просит Траяна за Тита Приферния Пета Розиана Гемина, который был квестором в консульство Плиния в 100 г. При этом автор уверяет адресата, что к *necessitudo*, возникшей во время осуществления их магистратур, добавилась личная дружба (Plin. Ep. X. 26). Указание на моральный долг может объясняться тем, что наместник не имел достаточного влияния на назначение квестора и поэтому был менее уверен в его лояльности, чем, например, в лояльности легатов, которых он сам выбрал. Об этом можно судить исходя из содержания первого письма Цицерона брату Квинту (Cic. Q. fr. I. 1. 10).

Приведенные обстоятельства объясняют, почему Цицерон высмеял попытку друзей Верреса выдвинуть в качестве главного обвинителя Квинта Цецилия Нигра. Действительно, последний был квестором Верреса на Сицилии. Оратор напомнил слушателям, насколько тесны связи между наместником провинции и его квестором (Cic. In Caes. 61), подчеркивая, что Цецилий не может обвинять Верреса, не нарушив сыновней почтительности (*ibid.* 62). Затем Цицерон заметил собравшимся, что практически не было случаев, когда бывший квестор выступал с обвинением без вызова, и перечислил список тех, кому из них не было разрешено поддержать обвинение против их бывшего наместника (*loc. cit.*). Возвращаясь к этому вопросу далее, Цицерон рассуждает о том, что квестор и наместник связаны судьбой и обычаям предков, судом богов и людей (Cic. In Caes. 65). Действительно, назначение квестора зависело от жребия, который считался выражением воли богов. По данной причине связь между этими двумя знатыми представителями Рима должна была сохраняться и после истечения срока их официальных полномочий.

И все же, несмотря на все указанные принципы и обычаи, отношения между наместником и квестором порой были непростыми. Цицерон не ладил с первым из назначенных ему квесторов, т.е. с Луцием Месцинием Руфом, и за глаза писал о нем: «ненадежен, развратен, стяжатель» (Cic. Att. VI. 3. 1: *levis, libidinosus, tagax*). Другой пример: у Гая Азиния Поллиона случился конфликт с Луцием Корнелием Бальбом Младшим, квестором Азиния в Испании. В письме Цицерону от 8 июня 43 г. до н.э. Азиний Поллион жаловался на злоупотребления, допущенные Бальбом, который бессудно подвергал провинциалов телесным наказаниям, а некоторых римских граждан незаконно отправил на казнь (Cic. Fam. X. 32. 1–3). Даже Веррес, сам в итоге оказавшийся обвиненным в злоупотреблениях, в свое время принял меры для устранения злоупотреблений, допущенных его квестором Квинтом Цецилием Нигром, в частности вымогавшим большие суммы у Агафонида, богатой вольноотпущенницы из Лилибея (Cic. In Caes. 55–57).

Напротив, дурной пример иногда исходил от старшего по званию. Именно поэтому Тацит хвалил своего тестя Агриколу за то, что тот не позволил себя

втянуть в финансовые авантюры проконсулу Луцию Салувию Отону Тициану, когда Агрикола был при нем квестором в Азии. Проконсул, движимый жадностью, был готов купить молчание Агриколы и взамен закрыть глаза на возможные проступки своего квестора (Тас. Agr. 6. 2).

Безусловно, отношения между проконсулом и квестором не всегда были идиллическими. Хуже того, некоторые квесторы, не колеблясь, выдвигали обвинения против своего бывшего старшего товарища. Античные авторы особенно настаивали на этих немногих примерах, поскольку такие случаи имели негативный резонанс в обществе. Тацит сообщает о том, как в 15 г. Марк Граний Марцелл (PIR² G 211)², проконсул Вифинии, был обвинен своим квестором Авлом Цепионом Криспином (PIR² C 149) [4. Р. 206–207]. Последний заявил о том, что Марцелл приказал установить свои изображения выше изображений императора и снял голову Августа со статуи, чтобы заменить ее тибериевой (Тас. Ann. I. 74. 1). Еще пример: в 22 г. Геллий Публикола и Марк Паконий, первый из которых был квестором Гая Силана, а второй — его легатом (PIR² P 26; G 133), присоединились к обвинителям, преследовавшим Силана за вымогательства, совершенные во время его проконсульства в Азии в 20/21 г. (Тас. Ann. III. 66. 2).

Проконсул и его легаты

Логично, что отношения между наместником и его легатами были более тесными, чем между ним и квестором, поскольку наместник сам выбирал себе легатов, часто из числа своих родственников [5. Р. 24–31]. Такие назначения по определению должны были уважать *dignitas* своего начальника, как о том пишет Цицерон в своем письме Квинту (Cic. Q. fr. I. 1. 10). В конце 51 или начале 50 г. до н. э. Цицерон написал письмо Квинту Минуцию Терму, пропретору в Азии, в котором положительно охарактеризовал своего легата Марка Аннея, восхваляя его *virtus*, *prudencia* и *fides*, но особенно благожелательность Марка Аннея (*benevolentia*) по отношению к своему патрону (Cic. Fam. XIII. 55. 1). В другом письме тому же адресату, отправленном несколько месяцев спустя, в апреле 50 г. до н. э., Цицерон настаивал на возвращении ему Марка Аннея, качества которого он снова хвалит, в частности высоко оценивая знание им *res militaris* (Cic. Fam. XIII. 57. 1).

Тесное сотрудничество проконсула и легата было обусловлено римской традицией, согласно которой глава провинциального управления все важнейшие вопросы решал совместно со своим окружением. В частности, это относится к осуществлению юрисдикции [6. С. 29]. Так, чтобы облегчить нагрузку на наместнический суд, была предусмотрена возможность делегирования соответствующих полномочий. Наместник мог осуществить

² PIR² — Prosopographia Imperii Romani (2nd ed.).

часть своей юрисдикции, обратившись к своим легатам. Это решение зависело исключительно от него, как это следует из трудов ученых правоведов Ульпиана и Помпония (Dig. I. 16. 4. 6, 16. 13). По мнению Помпония, легат не имел собственной юрисдикции, так что он мог осуществлять судебную власть проконсула только в пределах полномочий, которые последний ему предоставил (Dig. I. 21. 1). Более того, право выносить смертный приговор оставалось исключительной прерогативой наместника, а в особых случаях и императора (Dig. I. 16. 11). С другой стороны, юридические тексты признают право легата налагать штрафы (*multae*) (Dig. XLIX. 3. 2), что подразумевает его компетенцию выносить решение в случаях, которые могли повлечь за собой выплату финансовой компенсации. Лишь часть дел такого рода, когда взыскиваемая сумма была ниже определенного предела, оставалась в ведении местных судов, о чем наглядно свидетельствует, например, *Lex Irnitana* [5. Р. 183–186]. В других случаях, особенно если речь шла об обвинении в краже или мошенничестве, разбирательство осуществлял легат. В случае признания себя виновным обвиняемый, как правило, должен был выплатить компенсацию, эквивалентную двойной или четырехкратной сумме, полученной в результате мошенничества, или стоимости украденного предмета. Ульпиан и Лициний Руф уточняют, что легат проконсула также имел право назначать опекуна (Dig. XXVI. 5. 11). С другой стороны, у него не было возможности осуществлять, как указывает Маркиан, ни освобождение рабов (*manumissio*), ни усыновление (*adoptio*), ни все остальные действия, которые подпадали под *iurisdictio voluntaria*, зарезервированную за наместником (Dig. I. 16. 2. 1). Правда, рассуждения Павла противоречат утверждениям Маркиана и Ульпиана, поскольку, по мнению этого юриста, легат вполне мог быть уполномочен утвердить освобождение раба (Dig. XL. 2. 17). Считалось нормой, что, если к легату поступало дело, не входящий в его компетенцию, он должен был передать его наместнику (Dig. I. 16. 11).

Конкретные случаи также дают нам представление о компетенции легатов в вопросах юрисдикции. Так, ритору Элию Аристиду дважды пришлось иметь дело с легатом проконсула Азии. Будучи прославленным оратором и автором образцовых в плане риторики сочинений, Аристид пользовался иммунитетом, который по закону освобождал его от муниципальных обязанностей, но его кандидатура несколько раз выдвигалась Смирной, и каждый раз ему приходилось бороться за подтверждение своего освобождения от принятия на себя обременительных обязанностей местного должностного лица. Например, Аристид обжаловал свое назначение сборщиком налогов (*ἐκλογεὺς*) перед судом легата проконсула Тита Витразия Поллиона в 151/152 г. (Ael. Arist. Or.L. 96 K). Ритор также упоминает о своей жалобе по поводу его назначения на пост иренарха в 152/153 г. Для этого Аристид обратился к легату проконсула Гая Юлия Севера. Аристид описывает этого легата как «ответственного за диойкезис вокруг Смирны» (Ael. Arist. Or.L. 85

К), но слово *διοίκησις* чаще всего встречается в греческом языке для обозначения *conventus* в географическом смысле [7. Р. 44–46].

Представляется, что стандарты компетенций, установленные юристами для легатов, иногда можно толковать с определенной гибкостью. Так, Ульпиан уточняет, что некоторые проконсулы разрешали своим легатам проводить предварительные слушания и даже освобождать задержанных, которые казались им невиновными в инкриминированных им деяниях, но он подчеркивает, что это был чрезвычайный мандат, который, следовательно, не входил в обычную компетенцию легатов (Dig. I. 16. 6).

В условиях столь очевидно плотного взаимодействия между наместником и его легатами случаи конфликтов между ними должны были быть еще более редкими, чем те относительно немногие случаи, когда с обвинением против наместника выступал его квестор. Хотя, разумеется, ни один проконсул не был полностью гарантирован от подобной неприятности, как показывает вышеупомянутый случай Гая Силана, обвиненного и его квестором, и его легатом. Подобное же имело место с Титом Статилием Тавром, проконсулом Африки, обвиненным в 53 г. его легатом Тарквицием Приском (Тас. Ann. XII. 59. 1). Дело касалось уклонения от ответственности, что подразумевало обвинение в злоупотреблении властью. Тацит связывает этот случай с желанием Агриппины захватить сады в Риме, принадлежавшие Статилию Тавру. Таким образом, доносчик, по-видимому, был орудием Агриппины. Однако он в итоге поплатился. Тацит говорит, что Тарквиций Приск навлек на себя ненависть всего сената, причем автор связывает резко негативное отношение сенаторов именно с недостойным поступком бывшего легата, обвинившего проконсула, под началом которого он служил и которому был лично обязан. По прошествии нескольких лет, в 61 г., сенаторы, по свидетельству Тацита, радовались осуждению за вымогательство Тарквиция Приска, обвиняемого вифинцами, потому что, как указывает историк, сенаторы помнили обвинение, выдвинутое Тарквицием против Статилия (Тас. Ann. XIV. 46. 1). Память сената об оскорблении оказалась долгой.

Интересный случай представляет собой письмо Плиния Младшего Калестрию Тируну, представляющее собой размышления, навеянные событием, которое незадолго до того имело место и произвело на автора гнетущее впечатление. Наместник Люстриций Бруттиан (PIR² L 446) обнаружил, что один из его *comites*, Монтаний Аттицин, допустил многочисленные злоупотребления. Люстриций сообщил об этом императору. Тогда Аттицин перешел в контрнаступление, выдвинув обвинение против наместника (Plin. Ep. VI. 22. 2). И снова дело приобрело особый резонанс из-за *necessitas*, существовавшей между наместником и его легатом, поскольку первый прежде доверял своему *comes* настолько, что даже завещание Люстриция было написано рукой Аттицина (Plin. Ep. VI. 22. 3). Как сообщает Плиний, когда дело было передано в *consilium principis*, установили, что вина лежит на Монтании

Аттицине, который в итоге был сослан на остров. И снова, по мнению Плиния, добродетель была вознаграждена, а вероломство наказано. Плиний видит урок во всей этой истории и рекомендует своему корреспонденту, только что получившему от сената провинцию, быть осторожнее со своими подчиненными (Plin. Ep. VI. 22. 1). Еще один случай произошел с Валерием Ларгом, который обвинил Гая Корнелия Галла, префекта Египта, в 26 или 27 г. до н.э. [8. Р. 309–310]. Правда, источники здесь немногословны. Дион Кассий утверждает, что Галла обвиняли в неуважительных высказываниях об Августе, в установке собственных изображений по всему Египту и в том, что он выгравировал на пирамидах список своих подвигов, но тем не менее Дион не вдаётся в подробности об официальных обязанностях обвинителя и пишет только, что Валерий Ларг был «другом и товарищем» (ἑταῖρος καὶ συβιωτής) Галла (Dio Cass. LIII. 23. 6), что хотя и не позволяет нам точно установить официальные функции Ларга по отношению к Галлу, но зато дает возможность понять, как на рубеже эпох могли строиться отношения между теми, кого обычай связывал взаимными обязательствами указанного рода. Что касается Светония, то он сообщает об этом деле, не упоминая обвинителя (Suet. Aug. 66. 2). Поэтому можно сказать лишь, что Валерий Ларг был близким другом Галла. Ларг был первым, кто выступил против префекта, после чего на того обрушились и другие. В конце концов Галл покончил жизнь самоубийством (Dio Cass. LIII. 23. 7).

Наместник и прокуратор

Отношения между наместником и прокуратором иногда рассматриваются как конфликтные или во всяком случае конкурентные. Если усиление роли всадников в делах государства в период принципата рассматривать как общеизвестную тенденцию, то естественно ожидать, что именно прокуратор должен был играть роль того «противника», который стал бы внимательно следить в провинции за всеми делами наместника [9. С. 74]. Эти категории принадлежали к разным *ordines* и не были назначаемы в одно и то же время или хотя бы на один и тот же срок, поэтому их общие связи и интересы были априори слабее тех, которые могли существовать между проконсулом и его квестором.

Определенные противоречия между наместником и прокуратором нашли отражение у Тацита в рассказе о конфликте между императорским легатом Гаем Светонием Паулином, занимавшим должность наместника Британии между 58 и 61 гг., и прокуратором Гаем Юлием Классичианом [10. Р. 43–50, 303–304]. Последний отправил императору в Рим письмо, порочащее Паулина, на которого автор послания постарался возложить всю ответственность за неудачи римлян в подавлении восстания Боудикки (Tac. Ann. XIV. 38. 3). В данном случае инициатива, по-видимому, исходила от прокуратора,

который доложил в Рим об обстоятельствах дела без каких-либо конкретных указаний на сей счет со стороны принцепса [11. Р. 157–159]. Классициан умер еще до истечения срока своих полномочий и был похоронен в Лондини, где во время раскопок, проводившихся в 1852 и 1935 гг., был обнаружен внушительный погребальный памятник, похожий на алтарь, высота которого, должно быть, изначально составляла около 5 м (RIB 12)³. Надпись на передней части алтаря свидетельствовала о том, что он женился на дочери Юлия Инда, который был родом из Трирского региона и встал на сторону Рима во время восстания Флора в 21 г. (Тас. Ann. III. 42). Т.е. Юлий Классициан, возможно, происходил из того же региона Галлии и принадлежал к новой провинциальной аристократии, которая в то время играла все большую роль в управлении империей, конкурируя тем самым со старой аристократией.

Не исключено, что подобные противоречия во многом объясняют поведение Гнея Юлия Агриколы, когда тот был наместником в Аквитании. Действительно, Тацит сообщает, что его тесть, понимая опасность, старался избегать любых конфликтов с прокураторами (Тас. Agr. 9. 6). Агрикола был непосредственным свидетелем столкновения Паулина и Классициана, поскольку находился в Британии в 60 г., во время восстания Боудикки, и служил под началом Паулина (Тас. Agr. 5. 1). Объяснение Тацитом поведения Агриколы не лишено интереса: победа в такой борьбе не принесла бы ему славы, а поражение было бы унижительным. Это подразумевало неполноценность прокураторов в качестве конкурентов наместников, отношения с которыми для назначенцев из числа всадников не могли быть равноправными.

Если основываться, в частности, на приведенном эпизоде, то возникает предположение, что императоры создали некую систему в провинциях, находящихся под их непосредственным контролем, когда прокураторы осуществляли надзор за легатами [11. С. 157]. Однако у нас нет достаточных оснований для того, чтобы на основе нескольких случайных эпизодов сделать вывод об осознанном стремлении императоров контролировать наместников сенаторского ранга с помощью своих порученцев из числа всадников [12. С. 281]. Более того, как представляется, конфликт между этими двумя назначенцами мог нанести ущерб нормальному функционированию администрации провинции, что императоры не могли не понимать.

Еще более экстремальный случай представлен Тацитом в другом месте (Тас. Ann. XIII. 1. 1): в 54 г. Марк Юний Силан, проконсул Азии, якобы был отравлен прокуратором⁴ по приказу Агриппины, опасавшейся, что Силан, этот правнук Августа, будет угрожать власти Нерона. Как установил В. Эк, этого прокуратора следует отождествить с Публием Целерием,

³ RIB — The Roman Inscriptions of Britain. Vol. I. Inscriptions on Stone.

⁴ Тацит его указывает в качестве «ведавшего личным имуществом принцепса в провинции Азии» (*rei familiari principis in Asia impositus*).

известным по двум надписям из Эфеса [13. S. 76–77]. В драматических обстоятельствах гражданской войны, последовавшей за смертью Нерона, прокуратор Бебий Масса также сыграл активную роль в устранении проконсула Африки Луция Кальпурния Пизона, возглавив вспомогательный отряд мавританцев, направленный Валерием Фестом, легатом III Августова легиона, для убийства Пизона (Tac. Hist. IV. 50. 1–5; Plin. Ep. III. 7. 12; PIR² C 294). Тацит не останавливается на мотивах, побудивших Бебия Массу привести убийц к проконсулу, но уточняет, что прокуратор был опасен для добрых людей (Tac. Hist. IV. 50. 5). Это, конечно, особые случаи, которые не исчерпывают всей палитры отношений между наместником и прокуратором, хотя эти отношения, как мы видим, иногда могли быть весьма конфликтными.

Как удалось установить А. Беранже, которая провела тщательный анализ папирологического материала из Келесирии II–III в., наместник здесь мог перенаправлять поступавшие к ним прошения по имущественным спорам для их рассмотрения прокуратором. При этом остается открытым вопрос о типе прокуратуры в данном случае — было ли это лицо, ответственное исключительно за имущество и финансы императора или его порученец, назначенный управлять частью территории провинции [5. P. 230–231].

Заключение

При более внимательном рассмотрении становится ясно, что наместнику приходилось иметь дело со многими другими представителями Рима в пределах своей провинции. Разумеется, отношения наместника с провинциальной знатью, которая зачастую была довольно амбициозной, и с городами, которые нередко боролись за титулы и привилегии, были непростыми, поскольку наместник старался, понятное дело, не умножать числа своих врагов, которые могли бы плести против него интриги. И наоборот, влиятельные друзья среди провинциалов могли бы избавить его от многих проблем. Что же касается сотрудников наместника, его порученцев, а также других представителей центральной власти или лично императора, то они могли оказаться опасными либо из-за своей недобросовестности, за которую наместнику приходилось отвечать, либо потому, что пытались вести свою игру, конкурируя с наместником. Однако, мягко говоря, неодобрение подобной практики на всех уровнях власти, по-видимому, делало ее из ряда вон выходящей, особенно если учесть, что сенат из чувства групповой солидарности был готов на самые жесткие меры в отношении нарушителя корпоративной этики.

Можно заключить, что источники не позволяют нам представить себе подлинные масштабы всех этих противоречий в положении наместника. Случаев преследования проконсулов и тем более легатов императора нам известно не очень много, всего около тридцати в период правления от Августа до Траяна. Однако представляется очевидным, что взаимодействие

наместника с другими представителями римской власти было тем результативней, чем полнее — в соответствии с римскими традициями — формальные отношения дополнялись неформальными связями.

Список литературы / References

1. Thompson LA. The relationship between provincial quaestors and their commanders in Chief. *Historia*. 1962;(11):339–355.
2. Schulz R. *Herrschaft und Regierung. Roms Regiment in den Provinzen in der Zeit der Republik*. Paderborn: Schöningh; 1997.
3. Eich P. *Zur Metamorphose des politischen Systems in der römischen Kaiserzeit. Die Entstehung einer "personalen Bürokratie" im langen dritten Jahrhundert*. Berlin: Akademie Verlag; 2005.
4. Rutledge SH. *Imperial Inquisitions. Prosecutors and Informants from Tiberius to Domitian*. London-New York: Rutledge; 2001.
5. Bérenger A. *Le métier de gouverneur dans l'empire romain*. Paris: Editions de Boccard; 2014.
6. Smyshlyaev AL. Roman governor in a provincial city. *Journal of Ancient History*. 1997;(3):24–35. (In Russ.). END: SHIGPF
Смышляев А.Л. Civilis Dominatio: Римский наместник в провинциальном городе // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 24–35. END: SHIGPF
7. Fournier J. *Entre tutelle romaine et autonomie civique. L'administration judiciaire dans les provinces hellénophones de l'Empire romain (129 av. J.-C.–235 apr. J.-C.)*. Athènes: École française d'Athènes; 2010.
8. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford: Clarendon Press; 1939.
9. Braund D. The governor's entourage (cohors) and the ideology of Roman imperialism. *Journal of Ancient History*. 1999;(1):73–84. (In Russ.).
10. Браунд Д. Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 73–84.
11. Birley AR. *The Roman Government of Britain*. Oxford: University Press; 2005.
12. Pflaum H.-G. *Les procurateurs équestres sous le Haut-Empire romain*. Paris: Maison neuve; 1950.
13. Rosen K. Iudex und Officium. Kollektivstrafe, Kontrolle und Effizienz in der spätantiken Provinzialverwaltung. *Ancient Society*. 1990;(21):273–292.
14. Eck WP. Celerius, Procurator Asiae, und Tac. Ann. XIII. 1. In Chastagnol A, Demougin S, Lepelley C, eds. *Splendidissima civitas. Etudes d'histoire romaine en hommage à François Jacques*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. P. 67–78.

Информация об авторе:

Телепень Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин, Мозырский государственный педагогический университет им. Н.И. Шамякина, Республика Беларусь, 247760, Мозырь, ул. Студенческая, д. 28, e-mail: telepen_serg@mail.ru ORCID: 0000-0001-5560-8599. SPIN-код: 6953-0339.

Information about the author:

Sergey V. Telepen — PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Humanities disciplines, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin, 28 Student St., Mozyr, 247760, Belarus, e-mail: telepen_serg@mail.ru ORCID: 0000-0001-5560-8599. SPIN-code: 6953-0339.